
М. Н. Губогло

**К ИЗУЧЕНИЮ ДВУЯЗЫЧИЯ
В ИСТОРИИ НАРОДОВ МИРА ***

Вместе со всем прогрессивным человечеством советские люди торжественно отмечают 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Важнейшие итоги социального развития страны состоят в построении общества развитого социализма и в формировании новой исторической общности людей — советского народа. Сегодня, как никогда и нигде в мире, крепки братская дружба и единство всех наций и народностей, составляющих великое многонациональное сообщество — Советский Союз. «Его образование и успешное развитие, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», — являются триумфом ленинской национальной политики КПСС, ярким свидетельством ее подлинного интернационалистского характера, великим завоеванием социализма»¹.

Среди важнейших вопросов марксистско-ленинской теории наций и национальных отношений в эпоху зрелого социализма и коммунистического строительства особую актуальность приобретает изучение взаимосвязи социального и национального, в том числе исследование языковых аспектов общественных процессов. Немаловажную роль призвана сыграть и этнография, в предметной области которой всесторонний анализ языка занимает видное место². При этом раскрытие взаимосвязи языка с остальными компонентами этноса актуально не только применительно к современности, но и для понимания прошлого и предвидения будущего всех народов. «Стирание классовых различий внутри новой исторической общности, — отмечал П. Н. Федосеев, — произойдет раньше, чем преодоление национальных различий, которые останутся еще долго, вплоть до победы коммунизма в мировом масштабе»³. Следовательно, пока сохранятся национальные различия и полнокровная жизнь национальных языков, в многонациональном обществе, естественно, будет существовать необходимость в едином языке межнациональных общений и потому закономерно будут развиваться процессы двуязычия. Таким образом, массовое приобщение народов к инонациональному языку, если подходить к этому с учетом дальнейшего развития советского народа, представляет длительный исторический процесс. Отсюда вытекает необходимость всестороннего изучения двуязычия не только в синхронном,

* В статье рассматриваются основные факторы распространения двуязычия и способы его существования. Функциональная сторона и, в частности, роль двуязычия в культурной истории человечества требуют специального рассмотрения.

¹ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». — «Коммунист», 1977, № 2, с. 7.

² Ю. В. Бромлей. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности. — «Сов. этнография», 1977, № 1, с. 11, 12.

³ П. Н. Федосеев. Теоретические проблемы развитого социализма и коммунистического строительства. — «Коммунист», 1976, № 15, с. 50.

но и в диахронном (ретроспективном) плане. Как показывает опыт, языковые аспекты общественных процессов современности приобретают исключительно важное значение и остроту⁴ и разобраться в них, адекватно оценить их социальное и политическое значение нельзя, не имея общего представления о том, *где, когда, как и при каких условиях и ситуациях*, под влиянием каких конкретных факторов (объективных и субъективных) возникало и развивалось двуязычие как важнейшая составная часть и закономерный итог этнических контактов и языковых процессов. При этом встает задача всестороннего сопоставления условий формирования и развития двуязычия в советском обществе и в странах социалистического содружества с многообразными фактами приобщения населения ко второму языку или любому другому языковому образованию (диалекту, говору) и т. п. во все прошлые времена: от первобытности до наших дней. Лишь рассматривая в диахронии одни и те же аспекты двуязычия, например факторы распространения, формы и способы его существования, функции и роль в сближении народов на пути к культурному единству человечества, можно по достоинству оценить всемирно-историческое значение советского опыта решения языковой проблемы, выявить коренные преимущества социализма перед классово-антагонистическими общественно-политическими системами.

В двуязычии можно выделить два аспекта: исторический (генетический) и структурно-функциональный. Оно всегда может рассматриваться, с одной стороны, как процесс, с другой — как результат общественных изменений. В первом случае двуязычие охватывает не только явления, события, факты развития каждого из контактирующих языков и их носителей, но такие процессы формирования двуязычия, которые связаны с внутр поколенной и межпоколенной передачей языка. Во втором случае на передний план выдвигаются задачи изучения механизма существования самого двуязычия, понимаемого в обобщенном виде как приобретение лицами или группой лиц, пользующихся языком А, языка В. При этом развитие двуязычия может привести к следующим результатам: 1) если язык А уступает место языку В, то перед нами языковой сдвиг, или языковая ассимиляция; 2) если языки А и В употребляются попеременно в зависимости от различных внеязыковых условий, можно говорить о переключении с языка А на язык В и обратно, т. е. об адекватном способе существования двуязычия; 3) если языки А и В сливаются в одну языковую систему, это свидетельствует о скрещивании языков.

Анализ основных закономерностей языковых процессов и двуязычия в историческом развитии человечества требует принять в качестве методологических принципов такие важнейшие предпосылки: 1) *общесоциологическую*⁵, в которой языковые процессы, происходящие во всеобщей истории языков народов мира и в развитии межязыковых контактов, рассматриваются в контексте и в понятиях более широких общественных процессов, сквозь надежную призму марксистского подхода, учитывающего при характеристике языковых ситуаций детерминирующую роль общественно-экономических отношений, а также роль хозяйственно-культурных типов; 2) *историческую* (хронологическую), в которой на переднем плане стоят задачи сопоставления языковых процессов современности с языковой жизнью народов прошлых эпох; 3) *географическую* (пространственную), в которой внимание акцентируется на синхронной стороне дела, т. е. на языковых процессах, протекающих среди различных народов, разделенных не временем, а пространством; 4) *социально-психологическую*, рассматривающую двуязычие через призму субъектив-

⁴ Э. А. Баграмов. Ленинская национальная политика: достижения и перспективы. М., 1977, с. 9.

⁵ Подробнее см., например: Ф. П. Филин. Современное общественное развитие и проблема двуязычия. — «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972, с. 13—25.

ных категорий добровольного или насильственного, целенаправленного или стихийного приобщения ко второму языку; 5) *графическую*, в которой степень развитости контактирующих языков определяется наличием письменной традиции. В целом этот критерий служит важнейшей границей, определяющей историю и доисторию процессов двуязычия; 6) *лингвистическую*, в которой встают вопросы описания и сопоставления структурных единиц (фонем, морфем, лексем) контактирующих языков. При этом лингвистическое (внутриструктурное) изучение языковых процессов принципиально является единым, независимо от того, имеется ли в виду протекание их в настоящем (интерференция) или в прошлом (конвергенция).

К сожалению, наука не располагает какими-либо конкретными данными о процессах развития двуязычия в условиях первобытного общества. Однако в соответствии с установившейся в этнографии традицией ссылаться на опыт народов, живущих в условиях первобытно-общинного строя, когда речь идет об изучении тех или иных закономерностей, относящихся к первобытности, обратимся к народам, сохраняющим многие элементы первобытного уклада: это австралийцы, отдельные народности и племена Индонезии и Юго-Восточной Азии (кубу на Суматре, пунаны на Борнео, аэта на Филиппинах, семанги на Малаккском п-ве, ведды на Шра Ланка), Южной Америки (ботокуды, сирионо, шаванты, гуайяки), пигмеев центральноафриканских лесов и другие. Понятно, что языковые аспекты первобытной жизни также исследованы весьма слабо и изучение двуязычия на австралийском примере чрезвычайно интересно само по себе, так как перед нами предстает образец наиболее ранних стадий истории человеческой речи и языковых контактов. Кроме того, имеет смысл еще раз напомнить, что до сих пор нельзя считать законченным спор о начальных этапах развития языка и о взаимодействии языков между собой. Согласно традиционной точке зрения представителей классической индоевропеистики, динамика этноязыковой ситуации выражается в постоянном ответвлении языков от одного праязыка (пирамида, стоящая на вершине). Против этой концепции, как известно, активно выступал Н. Я. Марр, заявивший в 1923 г., что «единный праязык есть сослужившая свою службу научная фикция»⁶. Согласно теории «первобытной лингвистической непрерывности», разработанной С. П. Толстовым⁷, все начинается с бесчисленного множества языков, которые укрупняются и в перспективе движутся к единству (пирамида, стоящая на основании).

Основой для такой гипотезы послужила идея о сохранении единства языка только в тех границах, в рамках которых имеется общность экономической жизни определенного этнического коллектива.

В условиях замкнутой жизни каждое племя имело свой язык. Общаясь с другими племенами, люди нуждались в известном минимуме взаимопонимания. Это достигалось благодаря отсутствию резко очерченных языковых барьеров между соседними родовыми и племенными коллективами. Вот как писал об этом Н. Н. Миклухо-Маклай: «Почти в

⁶ Н. Я. Марр. Индоевропейские языки Средиземноморья.— «Избранные работы», т. I. М., 1933. Цит. по: И. М. Тронский. Сравнительно-исторические исследования.— «Теоретические проблемы советского языкознания», М., 1968, с. 7.

⁷ Положения, выдвинутые С. П. Толстовым (см. «Сов. этнография», 1950, № 4, с. 18), в известной мере углубляли «теорию контактов», предложенную Д. В. Бубрихом (см. его статью «Советское финно-угорское языкознание». — «Ученые записки Ленинградского гос. ун-та», вып. 2, 1948, с. 30). Дискуссию между Д. В. Бубрихом и Н. Н. Чебоксаровым см.: «Сов. этнография», 1948, № 3, с. 176 сл.; 1949, № 2, с. 189 сл., 197 сл.; дискуссию между С. А. Арутюновым и С. Е. Яхонтовым по поводу концепции первобытной языковой непрерывности см.: «Труды VII МКАЭН», т. IX. М., 1970, с. 265, 273, и др.

каждой деревне Берега Маклая — свое наречие. В деревнях, отстоящих на четверть часа ходьбы друг от друга, имеется уже несколько различных слов для обозначения одних и тех же предметов; жители деревень, находящихся на расстоянии часа ходьбы одна от другой, говорят иногда на столь различных наречиях, что почти не понимают друг друга.

Во время моих экскурсий, если они длились больше одного дня, мне требовалось два или даже три переводчика, которые должны были переводить один другому вопросы и ответы»⁸.

Своеобразный характер диалектного дробления в языке сельского населения на территории Литвы отмечали Ф. Ф. Фортунатов и В. Миллер в конце XIX в. Здесь было такое множество диалектов, что, переезжая из одной деревни в другую на расстояние лишь нескольких километров, исследователь обычно попадал уже в зону другого диалекта. При удалении на определенное расстояние взаимная понимаемость между максимально отдаленными диалектами последовательно исчезала. Собственно литовские (аукшайтские) диалекты незаметно переходили в жемайтские, имеющие много общих черт с диалектами латышского языка. Литовцы-аукшайты с трудом понимали жемайтов, говорящих на своем диалекте, и совсем плохо — латышей⁹.

Согласно С. П. Толстову, на стадии первобытнообщинного строя «языки ближайших локально-родовых групп близки между собой. По мере передвижения к более удаленным локально-родовым группам эта близость уменьшается, однако долго не исчезает и, что самое главное, на каждом отрезке территории эта близость неизменно сохраняется, так что каждая пара произвольно взятых соседних локально-родовых языков оказывается допускающей взаимное понимание». И далее: «Все первобытные языки оказываются по степени близости друг к другу на положении позднейших диалектов или даже говоров, однако при удалении на определенное расстояние взаимная понимаемость постепенно исчезает»¹⁰.

Первобытной языковой ситуации, характеризуемой «непрерывностью», по-видимому, соответствовал свой «первобытный» тип двуязычия. Действительно, «перерыв непрерывности» мог осуществляться с помощью двуязычия, которое можно определить как «скользящее» двуязычие, наиболее эффективно «работающее» лишь в узкой зоне, ограниченной контактами главным образом двух соседних родовых и племенных коллективов. Состав такого двуязычия заключается в том, что люди понимали не только сходную, но и часть несхожей лексики соседнего племени.

«...Новообразование племен и диалектов путем разделения, — читаем у Ф. Энгельса, — происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось теперь. Там, где два численно ослабевших племени сливаются в одно, бывает, что в виде исключения в одном и том же племени говорят на двух весьма родственных диалектах»¹¹.

История первобытности наполнена индивидуальными и коллективными отселениями, расселениями и переселениями народов. В ходе этих движений, а также под влиянием иных факторов имело место как дробление, так и соединение и сплочение племен в союзы. Понятно, что при столкновении и контактах движущихся коллективов не обходилось без промежуточного этапа двуязычия. Напомним несколько общеизвестных фактов. Среди австралийцев существовал обычай отдавать детей на воспитание в соседнее племя, чтобы, овладев вторым языком, они могли

⁸ Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия, т. I. М.—Л., 1940, с. 243.

⁹ Ю. С. Степанов. Основы общего языкознания. М., 1975, с. 172, 173.

¹⁰ См.: «Сов. этнография», 1950, № 4, с. 17, 18.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 93.

стать посредниками-переводчиками. И хотя в каждом племени обычно находились люди, знающие диалект соседнего племени¹², в целом двуязычная прослойка была чрезвычайно узкой. У североамериканских индейцев род мог усыновлять посторонних¹³ и таким путем принимать их в члены своего племени. «Военнопленные, которых не убивали, становились, таким образом, в силу усыновления в одном из родов, членами племени сенека и приобретали тем самым все права рода и племени»¹⁴. Уникальная разновидность двуязычия известна среди южноамериканских индейцев карибу, обитавших накануне испанского завоевания на о. Доминика и на других Малых Антильских островах¹⁵. Согласно преданиям, эти острова были завоеваны континентальными карибоязычными галиби, которые пощадили лишь местных араваканских женщин. Так возникло карибско-араваканское двуязычие, при котором мужчины говорили в основном по-карибски, а женщины — по-аравакански¹⁶.

Таким путем, вероятнее всего, возникали случаи двуязычия в первобытности, хотя в целом для этой эпохи они не были характерным явлением. Что касается тех случаев, когда отдельные «численно ослабевшие» роды «вновь количественно укреплялись путем массового усыновления членов другого рода»¹⁷, то подобные явления не всегда вели к образованию двуязычия, так как в пределах одного племени, как правило, был распространен общий диалект, или, если иметь в виду североамериканских ирокезов, то у них «во всех пяти племенах было несколько общих родов; они говорили на весьма родственных диалектах одного и того же языка»¹⁸. В целом же случаи усыновления встречались довольно редко. Отдельные факты двуязычия появлялись в ходе возникновения союзов племен, которое осуществлялось или путем покорения одного племени другим, например в ходе покорения части араваков воинственными карибскими племенами непосредственно перед испанским завоеванием¹⁹, что свойственно эпохе позднего первобытнообщинного строя, или путем заключения добровольных союзов. В каждом случае возникали контакты и языковые взаимодействия не только родственными, но иногда и между неродственными языками. Однако возникавшее в их ходе двуязычие имело кратковременный, узколокальный, бесписьменный и функционально чрезвычайно ограниченный характер.

Поскольку в конце первобытности одно из племен всегда получало преобладание над другими, процессы развития двуязычия вели к тому, что либо побеждал один язык и отмирал другой, либо формировался третий язык, который сохранял в качестве основы морфологический строй одного из контактирующих языков. В итоге, как отмечал С. П. Толстов, языков становилось меньше, но различия между ними становились больше, чем в предыдущий (доконтактный) период²⁰. Кроме того, при отсутствии государственности и письменных традиций скрещивание языков и образование такого языка, который не являлся ни первым, ни вторым, можно считать существенной особенностью языковых контактов и следствием двуязычия при первобытнообщинном строе. Согласно словам Страбона, римляне, которые подчинили своему владычеству множество племен, «не только заставили народы, до сих пор

¹² «Народы Австралии и Океании» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1956, с. 82.

¹³ Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1935, с. 48—49.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 89.

¹⁵ Э. Г. Александренков. Индейцы Антильских островов. М., 1976, с. 89.

¹⁶ Подробнее см.: «Новое в лингвистике», вып. VI. М., 1972, с. 491.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 89.

¹⁸ Там же, с. 95.

¹⁹ См. подробнее: «Народы Америки» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. 1. М., 1959, с. 35, 36; т. 2. М., 1959, с. 313, 400 и др.

²⁰ См. «Сов. этнография», 1950, № 4, с. 20.

разобщенные, вступить в общение друг с другом, но и научили даже более диких цивилизованной жизни»²¹.

В рабовладельческой эпохе берет свое начало тенденция увеличения мозаичности и этнической пестроты поселений, в том числе городов. Стоит ли удивляться, что один из наиболее смешанных в этническом отношении городов — Вавилон — стал символом языкового хаоса в мире. Рабский труд, как известно, подразумевал совместную работу больших групп разноязычных лиц, что делало необходимым усвоение ими второго языка.

Сейчас трудно сказать что-либо определенное о количественной стороне дела, а также о степени владения вторым языком. Известно, например, что при строительстве монументальной пирамиды в связи с погребением египетского фараона в Древнем царстве долгие годы трудились десятки тысяч рабов. Чаще всего ко второму языку приобщались военнопленные, составляющие в рабовладельческих государствах основной контингент двуязычного населения. Несколько реже двуязычие распространялось среди греческих и прочих наемников, которые, поселившись в различных районах Малой Азии, в Иране и в Египте, находили себе жен среди местного населения или оказывались в плотном иноэтническом окружении.

В рабовладельческом мире известны две категории коренного населения, которых насильственно склоняли к овладению вторым языком, соответственно и два способа становления группового двуязычия, под которым понимается приобщение более или менее значительных групп населения к другому языку и употребление его в устном общении. В одном случае двуязычными становились военнопленные, оторванные от своих соплеменников и насильственно переведенные в иноязычную среду. Приобщение к языку победителей в этом случае неизбежно сопровождалось утратой своего родного языка. Достаточно было жизни одного поколения, чтобы языковая ассимиляция завершилась переходом на язык победителей. Следовательно, процесс двуязычия был чрезвычайно кратковременным и в передаче культурного опыта особой роли не играл. В другом случае второй язык как язык победителей внедрялся среди населения завоеванных районов. Здесь, наоборот, социальные функции второго языка оставались крайне ограниченными, что вело к его неполноценному развитию. Живой греческий язык папирусов III в. до н. э. был постепенно вытеснен варварским греческим языком местного египетского населения. «По всем странам бассейна Средиземного моря, — писал Ф. Энгельс, — в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия, не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков — все они стали римлянами»²². Здесь, как видно, двуязычие сменилось одноязычием, на основе второго языка. Хотя в дальнейшем, по мере национального возрождения народов, потерявших свой первоначальный язык, «латинские диалекты различных провинций все больше и больше расходились между собой»²³. И хотя оба способа существования группового двуязычия, вероятно, имели место гораздо чаще, чем в первобытности, не существовало объективных основ для сколько-нибудь продолжительного (во времени) его бытования, так как не было факторов, которые в органическом единстве стимулировали бы развитие общественных функций как одного, так и второго языка, «закрепляя» тем самым двуязычие.

²¹ Страбон, География в 17 книгах. М., 1964, с. 127.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 146.

²³ Там же, с. 147.

Не будет преувеличением сказать, что рабовладельческому миру мы ~~обязаны~~ плодотворной идеей необходимости общего языка межэтнических отношений. Две объективные тенденции в развитии языковых и культурных контактов натолкнули людей на эту мысль. В связи с общим расширением и изменением эллинского мира зарождается стремление к преодолению диалектных различий. Постепенно потребность в общем языке начинает удовлетворяться новой формой греческого языка, так называемой «койнэ», общей речью, которая вырастает из аттического диалекта путем постепенного перехода к нему сначала образованных людей, а затем и более широких масс населения. Местные диалекты исчезают по мере того, как «общая речь» становится средством связи между людьми, говорящими на разных диалектах, а позднее — средством межэтнических связей. Александр Македонский не только открыл греческому языку доступ в земли, простиравшиеся от Эгейского моря до Гиндукуша, от Каспийского моря до порогов Нила, но, насильственно сплотив разноязычное население, создал тем самым определенные предпосылки для развития такой формы двуязычия, когда многие народы вынуждены были для общения избрать один язык.

Важное значение в развитии и углублении процессов двуязычия в рабовладельческую эпоху сыграло возникновение письменности, что, во-первых, послужило рубежом между доисторией и подлинной историей двуязычия, а во-вторых, положило начало существованию новых и чрезвычайно прогрессивных форм и способов существования письменного двуязычия, например в виде, хотя и немногочисленных, сначала двух или даже трехязычных надписей и текстов. Источники изобилуют свидетельствами о тяжелом и напряженном психологическом климате, в котором проходили языковые контакты. В частности, имеется много сведений о презрительном отношении господствующих классов рабовладельческих империй ко всем варварским языкам.

В то же время очень мало сведений о лингвистических аспектах двуязычия древних эпох, в том числе о степени владения вторым языком, о масштабах и способах его употребления. Но даже имеющийся скудный материал говорит о том, что случаи интерференции были нередкими.

В процессе контактов древнегреческого населения с соседними племенами, как об этом пишет Страбон, слова родного греческого языка часто произносились неправильно: «...как варвары, которые только начинают учиться по-гречески и еще не умеют правильно на нем изъясняться, что бывает и с нами, когда мы говорим на их языках»²⁴.

Расширение путей и каналов распространения второго языка в феодальную эпоху, а также появление новых форм и способов существования двуязычия, в том числе проникновения двуязычия в сравнительно новые сферы жизни, объясняются, во-первых, тем, что переход от рабовладельческого способа производства к феодальному явился прогрессивным шагом не только в экономическом, но и в социальном развитии человеческого общества, во-вторых, тем, что феодализму, вероятно, больше, чем любой другой общественно-экономической формации, свойственны многообразие конкретных проявлений, определенная подвижность и текучесть самих характеризующих его категорий²⁵. По хронологической протяженности, конкретным явлениям и частично по функциональной развернутости процессы двуязычия при феодализме стали более многовариантными и разнообразными, чем в античную эпоху. В развитии языковых контактов и двуязычия в эпоху феодализма можно выделить три момента. 1. Сосуществование двух языков (победителей и побежденных) в течение различного времени; классическим примером могут служить народностно-турецкие виды двуязычия на Балка-

²⁴ Страбон. География, с. 619.

²⁵ Подробнее см.: Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964.

нах в Османской империи (болгарско-турецкое, греко-турецкое, румыно-турецкое и т. д.). 2. Победа завоевателей сопровождалась победой их языка над языком побежденных. 3. Победа завоевателей приводила к поражению их языка в борьбе с местным языком. Из бесчисленного множества примеров достаточно вспомнить исчезновение тюркского языка аспаруховых протоболгар, переселившихся в середине VII в. сначала в южную Бессарабию, а затем создавших на Балканах объединенное государство на основе семи покоренных славяноязычных племен Добруджи и прилегающих к ней районов. В феодальных государствах средневековья получило развитие так называемое элитарное двуязычие, связанное с дипломатическими, административными и прочими нуждами двора и господствующего класса феодалов. Профессиональные переводчики начинают переводить не только устную речь, но и письменные тексты. Этому способствует развитие культуры, в том числе рост количества письменных текстов. Однако произведений светского характера еще мало, гораздо меньше, чем религиозной литературы.

Важно отметить в средневековом населении целые сословия, охваченные двуязычием: духовенство, купцы и др. Последние, как правило, были не только грамотны, но и умели объясняться на языках стран, лежащих на их пути. Устные разновидности средневекового двуязычия, складывавшиеся главным образом в тех случаях, когда отдельные люди попадали в иноэтническую среду, были недолговечными, в том числе из-за того, что человек начинал забывать свой родной язык. В необыкновенно красочном по языку произведении XV в. «Хождение за три моря Афанасия Никитина» отчетливо видно, как русские слова перемешивались с иноземными.

Вместе с тем феодальная эпоха явила миру совершенно новые сферы распространения двуязычия, которые не были известны раньше. Одна из таких разновидностей двуязычия, в частности, выросла на религиозной почве в связи с распространением культовых языков. Это двуязычие имело уже две основные формы своего существования. В целом это было связано с распространением трех так называемых «мировых» религий: буддизма среди народов Азии, христианства в Европе и ислама на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке. Перешагнув политические, этнические и языковые границы, эти религии способствовали расширению двуязычия на основе родных языков и какого-нибудь основного языка каждой из указанных религий: латыни и старославянского — среди христиан Западной и Восточной Европы, арабского — среди мусульман, санскрита, китайского, тибетского и кхмерского — среди отдельных групп населения, исповедовавших буддизм. Кхмерский язык, в частности, не играл особой роли среди буддистов за пределами Камбоджи. Языком же буддизма в Юго-Восточной Азии был скорее пали, чем санскрит.

Особое место в языковых процессах феодального периода занимает славяно-греческое двуязычие Киевской Руси. Согласно летописным данным, среди феодальной верхушки, духовенства, купцов, а также некоторых других слоев населения было сравнительно широко распространено знание иностранных языков и прежде всего греческого.

В успешном развитии славяно-греческого двуязычия на Руси известную роль сыграло то, что славянская письменность развивалась на основе кириллицы, имеющей близкое сходство с греческой азбукой. Во-первых, это облегчало усвоение русского письма тем греческим выходцам, которые в XI—XII вв. составляли значительную часть высшего русского духовенства, а во-вторых, для самого населения Древней Руси эта близость алфавитов облегчала возможность овладения греческим языком²⁶. Относительно широкие масштабы славяно-греческого двуязычия в

²⁶ М. Н. Тихомиров. Просвещение в Киевской Руси.— «Религия и церковь в истории России», М., 1975, с. 54.

Древней Руси, а также хронологическая продолжительность его бытования подтверждаются тем заметным влиянием, которое оказал греческий язык на лексику древнерусского языка. Об этом, в частности, свидетельствуют многие греческие по своему происхождению слова современного русского языка: огурец, свекла (или севкла), кирка, известь, плит (т. е. кирпич) и др.²⁷ В соответствии с двумя основными способами существования двуязычия — устным и письменным — греческая лексика проникала и через книжные переводы. В славянском переводе «Александрии», например, остались непереуведенными греческие слова, вошедшие в современный русский язык: палаты, стихия, икона, кадило и др.²⁸

Однако в целом сферы бытования этого вида двуязычия были, во-первых, очень узкими с функциональной точки зрения, во-вторых, масштабы его распространения были ограничены узким привилегированным слоем духовенства, господствующих классов и незначительного числа лиц творческих профессий и, в-третьих, были непонятны широким слоям населения.

Еще одну разновидность двуязычия в феодальную эпоху представляло двуязычие, при котором знание живого народного языка сочеталось со знанием книжного архаичного. Эта форма представляла разновидность сосуществования культовых языков с общенародными языками, поэтому ее сферы также были чрезвычайно ограниченными. И наконец, следует выделить в общей картине средневекового двуязычия преобладание таких его форм, которые возникли не добровольно, а скорее на почве насилия.

Большую роль в расширении межкультурных и межязыковых контактов и диффузий во всемирно-историческом масштабе сыграли социальные революции²⁹, обратившие феодальный мир в капиталистический, а по времени совпавшие с глобальным «землетрясением» человечества, как иногда называют серию великих географических открытий (с конца XV до конца XVIII в.). Проблемы двуязычия при капитализме, в особенности в современную эпоху, имеют не только научное, но и важное практическое значение, так как до сих пор капитализмом не найдено и вряд ли когда-нибудь будет найдено удовлетворительное решение многих проблем языкового сосуществования в различных многонациональных регионах мира, в реальной повседневной жизни многих современных народов. Более того, события последних лет в Канаде, в Бельгии, Индии и многих других странах показывают, какую остроту и накал получают языковые проблемы, в том числе проблемы двуязычия в современном мире. Следует подчеркнуть, что зарождение капитализма принесло с собой значительные прогрессивные сдвиги в развитии языковой жизни человечества. Несмотря на некоторое сокращение двуязычия по сравнению с феодализмом, связанное прежде всего с резким падением его народностно-культурных разновидностей и сокращением масштабов и сфер функционирования со вторым (религиозным по основной сфере употребления) языком, капитализм значительно продвинул вширь развитие языковых процессов. Это произошло прежде всего за счет национального возрождения многих народов и за счет формирования национальных языков. При этом в зависимости от контактов разноязычного населения, находящегося к тому же на разных уровнях социально-экономического и культурного развития, можно по масштабам распро-

²⁷ С. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси.— «Религия и церковь в истории России». М., 1975, с. 25, 26.

²⁸ См. М. Н. Тихомиров. Указ. раб., с. 61.

²⁹ Б. Ф. Поршнев. Роль социальных революций в смене формаций.— «Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования». М., 1975, с. 25—39.

странения выделить три основных типа двуязычия в эпоху капитализма. Они имеют «национально-межнациональный» характер: основной сферой их формирования и бытования служат непосредственные межнациональные контакты и рост потребностей в средстве общений. К первому типу относятся все те случаи, когда в контакт оказывались вовлеченными таксономически сходные (по уровню функционального развития) языки. Именно здесь, среди носителей этих языков, начались поиски «нейтральных» языков-посредников, пригодных для разнообразных, чрезвычайно разветвившихся контактов (экономических, дипломатических, торговых, научных, культурных, спортивных и т. п.) между группами людей, народами, государствами, континентами. Особенное значение в роли живых языков, обслуживающих в капиталистическом мире сферы межнациональных и международных общений, приобрели, как известно, сначала французский, затем немецкий, а в последнее время английский языки. Однако социальная база распространения указанных языков в качестве второго языка была узкой, и развитие «национально-межнационального» типа двуязычия не получило широкого размаха, ограничившись незначительной частью господствующих классов и сравнительно малочисленной в количественном отношении прослойкой интеллигенции. Однако, рассматривая генезис и сферы существования указанного типа двуязычия, следует подчеркнуть такие его прогрессивные черты, как добровольное приобщение ко второму языку и возникновение его в ряде случаев неконтактным путем (например, приобщение к французскому языку определенной части русского дворянства).

Ко второму случаю двуязычия при капитализме относятся различные его разновидности, при которых сочетались родные языки покоренных народов в Азии, Африке и регионах Центральной и Южной Америки с языком той или иной колониальной державы, расширяющей свою колониальную экспансию. В целом представляется возможность все подобные разновидности двуязычия объединить в две существенно отличающиеся по масштабам распространения среди местного населения подгруппы: 1) широкое двуязычие, при котором местное население через промежуточный этап массового двуязычия переходило на язык колонизаторов; 2) узкое двуязычие, когда поработанные народы сохраняли свои родные языки, а двуязычием охватывалась лишь незначительная по количеству административная верхушка. В первом случае языки местного населения обрекались на медленное исчезновение, во втором усвоение языка колонизаторов происходило в чрезвычайно примитивных формах.

Между этими полярно отстоящими друг от друга тенденциями встречаются разнообразные промежуточные варианты. Необходимость попеременного использования то одного, то другого языка, актуальная для многих двуязычных людей, иногда действует в направлении сокращения расстояния между лексикой и другими системами контактирующих языков. В итоге язык двуязычных групп населения иногда оказывается в таком состоянии, когда целые словосочетания или предложения бывает трудно с грамматической точки зрения соотносить с одним из контактирующих языков. Более того, при благоприятных социокультурных условиях эти языковые разновидности могут превратиться в самостоятельные языки. Именно так возникает пиджин, представляющий собой результат языкового компромисса, употребляемый двумя или несколькими языковыми коллективами, когда они находятся в общении. Трансформация английского языка в тихоокеанский пиджин (из которого сформировались новомеланезийский, новосоломоновский и ряд других пиджинов Океании) произошла меньше чем за полстолетия — с конца XIX века; трансформация английского языка в китайский пиджин происходила с 60-х годов XVII в. до первой половины XVIII в. Пиджины французского, голландского сформировались за столь же короткое

время. В ряде случаев происходит развитие креольских языков, превратившихся в родной язык какой-либо группы населения. Такова, в частности, история французского языка, который под значительным влиянием местных африканских языков превратился в современный карибский (креольский) язык в некоторых его разновидностях³⁰. Новейшие социолингвистические исследования показывают, что пиджины и креольские языки оказываются более жизнеспособными, чем это казалось многим специалистам-языковедам.

Совсем в иных условиях и в иной таксономической плоскости возникло «национально-межнациональное» двуязычие в государствах с национально-смешанным составом. В России, Османской империи, Австро-Венгрии и в некоторых подобных образованиях среди малочисленных народов возникало двуязычие с языком господствующей нации в качестве второго языка. И хотя масштабы такого типа двуязычия значительно варьируют в разных государствах и среди разных народов, можно сказать, что для него в целом свойственно более или менее длительное (во времени) функционирование, которое сочетается с далеко неравным и глубоко неравноправным партнерством языков в различных сферах жизнедеятельности. Следует указать, что основной способ возникновения этого типа двуязычия — насилие одного народа над другим. Лишь в отдельных случаях оно возникает естественным, добровольным путем. Сфера действия «своих» языков замыкается в основном домашним бытом, в то время как второй язык получает монопольные права на все остальное. В недрах рассматриваемого типа двуязычия не возникает проблема выбора (естественного или искусственного) языка как средства межнациональных общений. Язык для такой роли подсказывается самой жизнью, однако из-за трудностей гармонического сочетания общественных функций языка господствующей нации с развитием национальных языков угнетенных народов решение проблемы языка межнациональных общений неизмеримо осложняется.

В эпоху капитализма в ряде районов мира имеют место случаи массового двуязычия. По хронологической продолжительности бытования их можно сгруппировать в две основные формы: 1) *стабильное* двуязычие, охватывающее относительно продолжительные периоды сосуществования двух или более контактирующих языков (франко-немецко-итальянское в Швейцарии, финско-шведское в Финляндии и т. д.), и 2) *слабостойчивые* формы двуязычия, имеющие временной (преходящий) характер и тенденцию к обращению в свою противоположность, т. е. в одноязычие на основе второго языка. Классическим примером в этом отношении могут служить США. Там судьба родных языков иммигрантов обречена на постепенное (в течение жизни двух-трех поколений) исчезновение.

Эпоха социалистических революций, расширившая всевозможные контакты человечества, в том числе и языковые, и поднявшая их на качественно новую, более высокую по сравнению с капитализмом и прочими классово-антагонистическими обществами ступень развития, гигантски ускорила процессы интернационализации, сближения народов, стран, континентов, культур.

Опыт всемирной истории свидетельствует, что у различных народов в различные времена существовали неодинаковые условия и факторы приобщения к инациональному языку, разные уровни знания и частота употребления второго языка, а также разные реальные потребности в нем. Более того, по степени распространения двуязычия, по формам и способам его существования, по сферам жизнедеятельности, в которых оно практически реализовалось, по хронологической продолжительности его функционирования, а также по социально-этническим и культурным последствиям этого явления обнаруживаются серьезные

³⁰ «Новое в лингвистике», вып. VI. М., 1972, с. 50, 192, 202, 495, 496, 508 и др.

различия не только между разными народами, но и внутри одного и того же народа — между сельским и городским населением, между людьми разного пола и возраста, между различными социально-профессиональными, территориальными, кастовыми, религиозными и прочими группами. Для того чтобы двуязычие развивалось как непрерывный исторический процесс, необходимо, чтобы оно постоянно воспроизводилось. Иными словами, необходимо, чтобы постоянно и гармонично «работали» обе группы факторов: и те, что благоприятствуют развитию общественных функций родных языков, и те, которые детерминируют широкое распространение второго (инонационального) языка.

Согласованное действие указанных двух групп факторов в диалектическом единстве характерно только для социалистического общества и не имеет аналогов в мировой истории. Развитие этой тенденции, в ходе которой двуязычие приобретает устойчивые черты длительного исторического процесса, стало возможным лишь в условиях неукоснительного соблюдения интернациональных принципов ленинской национально-языковой политики, обеспечивающей равноправие народов, оптимальное развитие и сближение всех наций и народностей СССР, в том числе свободное развитие национальных языков при одновременном приобщении населения к инонациональному языку. С этим связана другая особенность советского опыта развития двуязычия. Она заключается в стабильности и в устойчивости таких языковых процессов, в ходе которых оба языка (и родной и инонациональный) служат населению важными средствами общения в разнообразных сферах жизнедеятельности. Эта стабильность, в частности, достигается благодаря осознанному и целенаправленному приобщению многих нерусских народов к русскому языку через широко разветвленную систему школ, в которых преподавание ведется на русском языке или же русский язык преподается как предмет. О том, какое влияние оказывает советская школа (средняя и частично высшая) на развитие процессов двуязычия, можно судить по возрастной группе 11—19 лет. Как показала перепись 1970 г., доля двуязычных здесь в среднем увеличивается (по сравнению с предыдущей — до 10 лет — возрастной группой) более чем в 5 раз и охватывает почти половину юношей и девушек среди нерусских народов союзных республик. Среди группы нерусских народов, образующих автономные республики и автономные области, удельный вес двуязычных между теми же возрастными группами повышается от 30,7 до 75,3%. Эти данные свидетельствуют о все расширяющемся двуязычии и о том, что в эпоху зрелого социализма одна лишь школа дает возможность глубоко и устойчиво приобщиться ко второму языку такому же числу людей, которые два-три десятилетия тому назад приобщались под воздействием всех факторов, вместе взятых³¹. Вместе с тем нельзя не отметить, что в 1974 г. советская школа начала учебный год по букварям, изданным для первоклассников, на 90 языках народов СССР. Это свидетельствует не только об интернациональном характере процессов двуязычия, но и об оптимальном развитии языковых процессов. Иными словами, интернационализм языковой политики и языковой практики в эпоху зрелого социализма проявляется в виде взаимосвязанного процесса развития родных языков в сочетании с распространением языка межнациональных общений. Интернационализм советского двуязычия³², сохраняя свою прямую связь с национальным развитием народов и всячески благоприятствуя этому развитию, одновременно ослабляет национальные перегородки между народами, никоим образом не ущемляя при этом их национальных интересов, а наоборот, усиливая дружбу советских народов, кото-

³¹ С. И. Брук, М. Н. Губогло. Двуязычие и сближение наций в СССР. (По материалам переписи населения 1970 г.). — «Сов. этнография», 1975, № 4, с. 31.

³² М. И. Куличенко. Укрепление интернационального единства советского общества. Киев, 1976, с. 345—354.

рая, по словам Л. И. Брежнева, является бесценным достоянием, одним из самых значительных и самых дорогих сердцу каждого советского человека завоеваний социализма³³. В связи с этим нельзя не указать на принципиальное отличие путей становления двуязычия в советском обществе от аналогичных процессов в капиталистическом мире. Обучение второму языку при капитализме ставит задачу подготовить человека к выполнению какой-либо социальной функции, в то время как при социализме оно служит всестороннему развитию личности.

За полноценное двуязычие мы принимаем такие его проявления, когда оно возникает в условиях фактического равноправия языков, на добровольной основе, по доброму согласию носителей каждого языка, контактным и даже неконтактным путем (в том числе включая массовое приобщение ко второму языку через систему школьного образования), когда оно достигает всенародного характера, охватывая все половозрастные, социальные и иные слои населения, и существует как в устной, так и в письменной форме. При таком подходе, учитывающем не один, а одновременно несколько показателей двуязычия, можно сказать, что ни одна досоциалистическая разновидность двуязычия не «набирает» перечисленного комплекса признаков.

Опыт всемирной истории помогает преодолеть широко распространенное заблуждение относительно того, что для народов мира одноязычие является правилом, а многоязычие, в частности в такой его разновидности, как двуязычие, — исключением. Справедливо полагают, что в основе подобной ошибки лежит экстраполяция опыта нескольких европейских и американских стран, в течение сравнительно непродолжительного исторического периода стремившихся к полной стандартизации языка как символу и орудия своего национального бытия³⁴.

При всем разнообразии конкретных форм и способов существования двуязычия как явления со значимым общественным резонансом оно развивалось (с точки зрения хода всемирной истории) от отдельных индивидуальных проявлений и ограниченных форм бытования в первобытности к полному двуязычию и его всенародному бытованию в зрелом социалистическом обществе. При этом по мере прохождения народов мира через одни и те же ступени общественного и социально-экономического развития последовательно расширялись и масштабы двуязычия. Если для феодализма, например, не было характерно массовое двуязычие, а для капитализма оно в отдельных случаях характерно, то с победой социализма в нашей многонациональной стране были созданы благоприятные условия для становления и развития всенародного двуязычия.

Суть еще одной всемирно-исторической закономерности в развитии процессов двуязычия заключается в последовательном — от формации к формации — ускорении и углублении процессов приобщения людей ко второму языку посредством использования современных методов обучения, углубления его знания, расширения сфер употребления при одновременном свободном владении языком своего народа и устойчивого психологического сохранения его как своего родного языка. С этой тенденцией в свою очередь связана еще одна важная закономерность в развитии двуязычия, сущность которой состоит в последовательном выравнивании вплоть до слияния при социализме двух разделенных в прошлом и разных — элитарных и массовых — форм существования двуязычия. Процессы выравнивания между этими двумя формами происходят двояким путем: с одной стороны, углубляется знание второго языка у широких масс населения; с другой — расширяется сфера про-

³³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1975, с. 50.

³⁴ У. Вайнрайх. Одноязычие и многоязычие. — «Новое в лингвистике», вып. VI. М., 1972, с. 26.

явления и бытования двуязычия, охватывая, например, в культуре не только процессы потребления, передачи культурных ценностей, но и производство их, в том числе творчество на каждом языке при двуязычии. Все разновидности устного двуязычия в досоциалистические времена от первобытности до капитализма возникали преимущественно контактным путем и служили главным образом целям устных межнациональных общений. И только при социализме широкое распространение получила тенденция развития массового (всенародного) двуязычия неконтактным путем, в частности через систему школьного образования. Таким образом, по мере смены одной общественно-экономической формации другой имело место последовательное расширение неконтактных способов приобщения ко второму языку, а также постепенный синтез двух основных — контактного и неконтактного путей возникновения двуязычия. В целом факторы, способствующие развитию процессов двуязычия в классово-антагонистических обществах, имеют принципиальное отличие от факторов, детерминирующих социалистические типы двуязычия.

В антагонистических формациях факторы двуязычия, как правило, обладают внутренней противоречивостью, которая ведет в конечном счете к непримиримости контактирующих языков. В каждом случае факторы развития общественных функций одного языка (например, языка своей национальности) обнаруживают перевес или уступают факторам распространения второго языка. Конечная судьба двуязычия сводится к одноязычию, что достигается альтернативным путем: или за счет сохранения устойчивости языка своего народа, при крайне незначительном распространении второго языка, или, наоборот, победу одерживает (через два-три поколения) второй язык. Если согласиться с этой точкой зрения, то историю двуязычия в каждой из трех антагонистических формаций можно представить в виде противоборства факторов развития первого и второго языков. Иными словами, каждая группа факторов выступает по отношению друг к другу как силы динамики и силы торможения. Лишь социализм, обеспечивая полное равноправие народов и языков во всех областях жизни, уравнивает силу каждой группы факторов и делает их оптимальными средствами активизации каждого языка и языковых контактов в целом, стимулируя тем самым длительное бытование и широкое распространение процессов двуязычия.

CERTAIN PROBLEMS OF THE STUDY OF BILINGUALISM IN THE HISTORY OF THE PEOPLES OF THE WORLD

An historical-sociological outline of the evolution of bilingualism processes in human history is elaborated in the paper. The main factors leading to the diffusion of bilingualism are analyzed, as well as actual facts of its occurrence at different periods of history from primitive times to our own days. This makes it possible to indicate the major typological features of ethno-linguistic contacts in Soviet society. It has been established that the origin and the mode of existence of bilingualism under socialism differ basically from those of preceding periods, since a prominent part here belongs to deliberate Party and State guidance of ethnic and linguistic processes.
